

Спрашивается, почему же в таком случае эти, казалось бы, очевидные черты идейного облика античной басни ускользали от столь многих первоклассных исследователей? Причины этого, по-видимому, следует искать в общем подходе науки конца XIX в. к проблеме басни — да и не только басни. Это было время последнего увлечения *Quellenuntersuchungen*, когда казалось, что дошедшие до нас произведения античной словесности почти сплошь представляют собой слабые переработки не дошедших до нас таинственных шедевров. Басенный жанр, начало которого относится к глубокой древности, а сохранившиеся тексты — к весьма позднему времени, представлял собой особенно удобное поприще для гипотетических построений подобного рода. Если пересмотреть суждения Круизуса и его учеников, отчасти упомянутые нами вначале, бросится в глаза, что их меньше всего занимают подлинные тексты «Августаны» и других сборников, дошедших до нас; они говорят почти исключительно о «прабаснях», бытовавших в VI—V вв., и раскрашивают зыбкие очертания этих басен всеми красками своих представлений о «народной идеологии» и «народном стиле».

Особенно важные последствия имела гипотеза Круизуса о том, что первоначальной формой эзоповского сборника была «народная книга об Эзопе» — жизнеописание Эзопа со вставленными в него по ходу действия десятками и чуть ли не сотнями рассказываемых басен. Жизнеописание Эзопа в поздней редакции (I—II вв. н. э. и еще более поздние переработки) до нас дошло, и оно, действительно, отличается и бунтарской «народной идеологией» и красочным «народным стилем». Но в том-то и дело, что между «Жизнеописанием» и «Августанским» сборником басен (относящимся к тому же времени и послужившим источником для всех остальных) нет решительно никаких точек соприкосновения — ни идейных, ни стилистических. Эти два памятника никоим образом не могут составлять две половинки расколовшейся «*Ur-Volksbuch*», объединявшей будто бы жизнеописание и басни в одной рамке. Это уже общепризнанно, и круизусовская гипотеза о всеобъемлющей *Ur-Volksbuch* давно оставлена. Но пережитки ее живучи, и представление об идеологии эзоповских басен до сих пор связывается в сознании исследователей с представлением об идеологии «Жизнеописания Эзопа».

Образ Эзопа и басни Эзопа — предметы различные, и изучаться они должны по-разному. Образ Эзопа «Жизнеописания», раба, мудреца и насмешника, сохранил те черты революционного пафоса, которые были в идеологии демоса VII—VI вв.; басни Эзопа сохранили те черты обывательского консерватизма, которые были в той же идеологии. Идейное содержание «Жизнеописания Эзопа» мы пытались раскрыть в другом месте¹⁰; идейное содержание эзоповских басен мы попытались разобрать в настоящей заметке. Если этот анализ и был несколько громоздок, он все же может представлять некоторый методологический интерес — как напоминание о той осторожности, которая требуется от всякого исследователя при сложной работе по выявлению идеологического смысла литературных произведений.

М. Л. Гаспаров

PLOT AND IDEOLOGY IN AESOP'S FABLES

by M. L. Gasparov

The social criticism and revolutionary spirit of the collection known as Aesop's fables should not be exaggerated. In the ideology of the demes in the seventh and sixth centuries there were both revolutionary and conservative elements: the first were inherited by the «Life of Aesop», the second by the fable collections that have survived to our day. This may be shown by analysis, in the first place, of the moralistic epimythos and, in the second place, of the plot structure of the fables in the basic collection (the *Augustana*). The epimythos may be boiled down to the following main theses: the world is ruled by evil; fortune is fickle, appearances deceptive; passions are ruinous; everyone ought to be content with his lot and not strive to better it; everyone ought to look out for himself and seek his own advantage (these account for about 72% of all the epimythos). The plot of most of

¹⁰ См. М. Л. Гаспаров, Две традиции в легенде об Эзопе, ВДИ, 1967, № 2, стр. 158—167.

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ДРЕВНЕГО ЕВПАТОРИЯ

мы должны искать Евпаторий где-то в непосредственной близости от Херсонеса. Это находит подтверждение и в общераспространенном мнении, согласно которому разбитые Диофантом тавры — это население Горного и Южнобережного Крыма. Правильность такой трактовки, на первый взгляд, подтверждается еще тем обстоятельством, что у Страбона Евпаторий упоминается непосредственно перед гаванью Ктенунт: «Был также и Евпаторий, основанный Диофантом. В 15 стадиях от стены херсонесцев есть также... Здесь был и порт Ктенунт»⁶. А несколькими строками выше тот же автор указывает, что Ктенунт находится между Херсонесом и Символон Лимен (Балаклавой)⁷. Этот фрагмент текста Страбона представляет собой перечисление городов, находящихся в разных пунктах Крыма: сначала называются скифские крепости Палакий, Хаб и Неа-

¹ IOSPE. I². № 352.

² Страбо, VII, 4, 7. См. SC, I, стр. 127.

³ В. Юргевич, Псифизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, ЗООИД, XII, 1881, стр. 20.

⁴ IOSPE, I², стр. 305.

⁵ С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 95; IOSPE, I², стр. 305; RE, т. 6, s. v. *Eupatoria*.

стр. 305; RE, т. 6, s. v. *Eupatoria*.
 VII 4 7 CM. SC, I, стр. 127.

⁷ Страбо, VII, 4, 3. См. SC, I, стр. 124.

поль, затем Евпаторий и Ктенунт. На отсутствие связи между упоминаниями Евпатория и Ктенунта в литературе уже указывалось⁸. Между тем влияние на трактовку этого фрагмента такое сочетание оказало, а некоторые переводчики прямо связывают разрозненные фразы в единый смысловой кусок⁹.

Все изложенное ощутимо сказалось на взглядах историков, касавшихся проблемы локализации Евпатория. Ф. Браун помещал его на место нынешнего Севастополя¹⁰. По В. Юргевичу он находился в Инкермане¹¹. Брандис склонялся к тому, что искать этот город следует на северном берегу Севастопольской бухты¹². С. А. Жебелев, не пытаясь локализовать Евпаторий, покоренных Диофантом тавров помещал «на Южном берегу Таврического полуострова между Херсонесом и Феодосией»¹³. Но все эти построения носили чисто умозрительный характер, так как в окрестностях Херсонеса, несмотря на многочисленные разведки, не обнаружено ни одного памятника, который можно было бы связывать с древним Евпаторием.

Обратимся к третьей существующей в литературе трактовке переправы Диофанта. Основным ее защитником явился П. Бурачков, который отмечал, что переправу через неширокую Севастопольскую бухту вряд ли стоит превозносить как чересчур отважную, и предлагал иное толкование: Диофант с войском переправился через Каламитский залив, т. е. из Херсонеса в район современной Евпатории¹⁴. Такая точка зрения вызвала возражение В. В. Латышева, который писал, что нынешняя Евпатория находится не напротив Херсонеса¹⁵. В действительности же эти города расположены друг против друга на противоположных берегах Каламитского залива. Подтверждается такое толкование переправы Диофанта и следующим обстоятельством. Фраза декрета «переправился на ту (другую, противоположную. — Д. Р.) сторону», не указывающая, через что именно была осуществлена переправа, предполагает, видимо, общепонятность, широкую употребительность такой формулировки. Расшифровать ее позволяет топография археологических памятников Крыма. Основную территорию Херсонесского государства составляли, как известно, сам город и клеры Гераклеийского полуострова. Исследования последних лет показали, что с конца IV до II в. до н. э. в состав этого государства входило и северо-западное побережье Крыма от Керкинитиды до Калос Лимена¹⁶. Но на всей промежуточной территории, начиная уже от северной стороны Севастопольской бухты и почти до самой Керкинитиды, мы не находим ни одного памятника, который можно было бы связывать с Херсонесом¹⁷. Более того, здесь же в устье Альмы расположено скифское городище Алма-Тамак, тяготеющее к скифскому царству. Все

⁸ Так, А. Л. Бертъе-Делагард писал: «Выражение „был и Евпаторий, основанный Диофантом“, никоим образом сюда относиться не может» (О Херсонесе, ИАК, 21, СПб., 1907, стр. 185).

⁹ Так, в последнем издании Страбона (пер. Г. А. Стратановского) это место читается так: «Была еще какая-то крепость Евпаторий, основанная Диофантом. Это — мыс в 15 стадиях от стены херсонесцев...» и т. д. (Страбон, География, М., 1964, стр. 285). Так же трактует это место Страбоновой географии Э. Минз. По его мнению, Евпаторий — название укрепления в заливе, о котором Страбон говорит несколькими строками ниже, описывая окрестности Ктенунта (см. E. H. Minns, *Scythians and Greeks*, Camb., 1913, стр. 496 сл.). Между тем, из текста Страбона такая связь этих фрагментов не следует.

¹⁰ Ф. Браун, Черноморье, ч. I, СПб., 1879, стр. 69.

¹¹ Юргевич, ук. соч., стр. 23.

¹² RE, т. 6, s. v. *Eupatoria*.

¹³ Жебелев, Северное Причерноморье, стр. 95.

¹⁴ П. Бурачков, Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями. ЗООИД, XII, 1881. Такое толкование переправы Диофанта разделяется анонимным составителем комментариев к Изборнику источников «Древней мир на Юге России» под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского, М., 1918, стр. 69.

¹⁵ IOSPE, I, стр. 181. См. также В. В. Латышев, ПОНТИКА, стр. 45, прим. 1.

¹⁶ О. Д. Дашевская, Τελύκη декрета в честь Диофанта, ВДИ, 1964, № 3.

¹⁷ Кроме данных археологической литературы и собственных визуальных наблюдений, я основываюсь в этом утверждении на материалах археологических разведок, произведенных в этом районе сотрудником Херсонесского музея О. Я. Савелей. Приношу ему глубокую благодарность за сообщенные сведения.

это доказывает, что этот район в состав Херсонесского государства не входил, а само это государство состояло из двух совершенно обособленных друг от друга частей. В таком случае переезд через море из одной части государства в другую, находящуюся на противоположном берегу залива, вполне соответствует выражению «переправился на ту сторону», не требующему дополнительной конкретизации. Сюда-то, в Северо-Западный Крым, и переправился из Херсонеса со своим войском Днофант. Далее он «покорил окрестных тавров и основал город на том месте». П. Бурачков считает, что под словами «на том месте» следует понимать не место покорения тавров, а место высадки Днофанта. Думается, нет оснований разделять эти два пункта. Высадка войска, сражение с Палаком и покорение тавров произошли в одном районе и здесь же следует искать основанный Днофантом город.

Но, перенося поиски Евпатория, основанного Днофантом в земле тавров после победы над ними, в Северо-Западный Крым, мы вступаем в резкое противоречие с общепринятой точкой зрения на территорию расселения тавров. Как уже указывалось, в литературе ее обычно ограничивают Горным и Южнобережным Крымом. Но верна ли эта точка зрения? Здесь мы касаемся особой, чрезвычайно важной проблемы об этническом составе населения Крыма в скифскую эпоху. Вопрос этот давно требует специального изучения и, разумеется, решать его похода в настоящей статье невозможно. Однако коснемся нескольких узловых вопросов этой проблемы. Письменные источники рисуют такую картину. По Геродоту, граница между таврами и скифами проходит около Керкинитиды¹⁸. У Страбона читаем: до подчинения Крыма Боспору его «большую часть до перешейка и Керкинитского залива занимало скифское племя тавров»¹⁹. Печаль Безымянного, описывая Крымское побережье с востока на запад и отметив, что после Феодосии начинается земля тавров, далее сообщает: «От Прекрасной Гавани до после Истра или Данубия о п я т ь (разрядка моя.— Д. Р.) живут скифы»²⁰. Древние авторы, таким образом, в отличие от современных исследователей, не ограничивают таврскую территорию Горным и Южнобережным Крымом, а включают в нее и всю или почти всю степную часть полуострова.

О чем свидетельствует археологический материал? Анализ крымских курганов раннескифского времени позволил Т. Н. Троицкой утверждать, что в этот период (с конца VII по рубеж VI и V вв. до н. э.) погребальные сооружения, обряд погребения и керамика в степном Крыму генетически связаны с кизил-кобинской культурой, близки синхронным им памятникам горных районов Крыма и резко отличаются от собственно скифских памятников украинских степей²¹. Та же этническая группа, судя по характеру погребальных сооружений и лепной керамики²², оставила и крымские курганы среднескифского времени (V — первая половина IV в. до н. э.). Влияние собственно скифской культуры на население Крыма, наблюдающееся здесь в этот период и позволившее Т. Н. Троицкой говорить об ассимиляции местного населения скифами²³, ограничивается проникновением сюда скифских предметов вооружения и конского набора и памятников звериного стиля. Пример украинской лесостепи заставляет предполагать, что Крым в этот период населяет в основном собственно скифское, а иноплеменное население, испытавшее сильное влияние скифской культуры.

Генетическая связь крымских памятников этого времени с кизил-кобинскими и близость степных и горных памятников заставляют видеть в этом населении тавров. Только начиная с позднескифского времени (середина IV — середина III в. до н. э.) мы находим в Крыму погребения, аналогичные степным скифским памятникам, да и то в настоящее время они известны в основном в Центральном Крыму²⁴. Видимо, в этот

¹⁸ Н е р о д., IV, 99. См. SC, I, стр. 40.

¹⁹ S t r a b o, VII, 4, 5, См. там же, стр. 126.

²⁰ Б е з ы м я н н ы й, 83, См. там же, стр. 284.

²¹ Т. Н. Т р о и ц к а я, Скифские погребения в курганах Крыма, дисс., стр. 19—20, 22, 31.

²² Там же, стр. 60.

²³ Т. Н. Т р о и ц к а я, Скифские погребения в курганах Крыма, Автореф. дисс., стр. 7.

²⁴ Там же, стр. 10.

период этнический состав населения Крыма становится более сложным. Эта сложность и процесс слияния различных этнических групп, вероятно, и нашли отражение в появившемся в источниках на рубеже н. э. термине «тавро-скифы»²⁵. Вполне возможно, что наличие в тексте декрета в честь Диофанта двух этнонимов — скифы и тавры — находится в связи с тем различием, которое прослеживается в это время между курганными погребениями Центрального и Северо-Западного Крыма²⁶. Все эти вопросы еще требуют дополнительного изучения. В нашу задачу входило лишь доказать, что упоминание тавров в декрете не может служить опровержением локализации Евпатория в Северо-Западном Крыму.

Итак, внимательное изучение текста декрета заставляет нас вслед за П. Бурачковым переносить поиски древнего Евпатория в Северо-Западный Крым. Убедительное подтверждение этой гипотезе находим мы в других античных источниках. Дело в том, что, кроме Страбона, Евпаторий, правда, в несколько другой транскрипции (*Εὐπατορία*), упоминается у Птолемея²⁷ и Аммиана Марцеллина²⁸. Этот последний, как указывает Э. Минз, полностью следует за Птолемеем²⁹. Данные же самого Птолемея, безусловно, заслуживают внимания. Его труд представляет перечисление огромного количества пунктов с указанием их географических координат. Прежде всего, важна сама последовательность упоминаний Птолемеем различных городов Крыма. Птолемей следует вдоль Крымского побережья с запада на восток и упоминает Евпаторий перед Дандакой и Херсонесом. Между районом Северо-Западного Крыма и Херсонесом находится лишь Усть-Альминское городище. Одно это показывает, что, по данным Птолемея, Евпаторий находится в Северо-Западном Крыму.

Наибольшую сложность представляет истолкование приводимых Птолемеем координат. Известно, что система координат Птолемея базируется на измерении расстояний между пунктами и не соответствует современной. Поэтому при определении местоположения городов, упомянутых Птолемеем, нужно производить вычисления, обратные птолемеевским. Метод этот был применен Ф. Брауном и основан на сравнении координат известных и неизвестных пунктов³⁰. В этом плане вызывает интерес сравнение Птолемеевых координат Евпатория и Херсонеса. Широта Евпатория на 40' больше херсонесской, а долгота на 15' меньше. Следовательно, по Птолемею, Евпаторий следует искать в 333,2 стадия к северу и 84,2 стадия к западу от Херсонеса³¹, т. е. опять-таки в окрестности современного одноименного города.

Подводя итог всему изложенному, можно сказать, что, вопреки общераспространенному мнению, данные письменных источников, подтверждаемые негативными данными археологических разведок, заставляют переносить поиски древнего Евпатория в Северо-Западный Крым³². Если поиски этого города в окрестностях Херсонеса разбились о полное отсутствие сколько-нибудь подходящих археологических памятников, то в Северо-Западном Крыму мы встречаемся с обратной трудностью — с их крайней многочисленностью. Кроме логических построений, мы располагаем лишь одним источником

²⁵ Е. И. Соломоник, Про значения термина «тавро-скифы», АН УРСР, XI, Київ, 1962.

²⁶ Троицкая, Скифские погребения..., Автореф. дисс., стр. 9 сл.

²⁷ P t o l., III, VI, 2. См. SC, I, стр. 233.

²⁸ A m m. M a r c., XXII, 7, 10. См. SC, II, стр. 328.

²⁹ M i n z, ук. соч., стр. 498, прим. 1.

³⁰ Ф. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, т. I, СПб., 1899, стр. 178.

³¹ Один градус широты у Птолемея равен 500 стадиям. Величина одного градуса долготы вычисляется по формуле $500 \text{ стадий} \times \cos \alpha$, где $\angle \alpha$ равен широте интересующего нас пункта (см. Браун, Разыскания..., стр. 179—181). Следовательно, на широте Евпатория один градус долготы равен 336,7 стадия. Отсюда получены приведенные цифры.

³² Этой точки зрения, кроме П. Бурачкова (ук. соч.), придерживается Ф. Ребец в путаной и поверхностной статье «Крым во времена Митридата Евпатора» (ИТУАК, вып. 6, Симферополь, 1888, стр. 83). Не ясна точка зрения В. Дьякова, который в статье «Древняя Таврика до римской оккупации» (ВДИ, 1939, № 3) на стр. 85 помещает древний Евпаторий на месте Балаклавы, а на стр. 77, судя по контексту, в район современной Евпатории.

гг. П. Н. Шульцем³⁸. Им был заложен раскоп размером 7,5 × 6 м, вскрыта так называемая «юрта» I в. н. э. и установлена стратиграфия городища. П. Н. Шульц выделил 4 слоя, датирующихся в целом временем с конца IV в. до н. э. до III в. н. э. Памятник этот возник, таким образом, значительно ранее времени Диофантовых войн. Но это, на мой взгляд, никоим образом не противоречит локализации здесь Евпатория, так как основание города в том смысле, в каком этот акт находит свое отражение в документах типа почетного декрета, совсем не обязательно предполагает его сооружение на пустом месте³⁹. Речь может идти об укреплении давно существующего поселения, о его коренной перестройке, наконец, о каком-либо чисто юридическом акте. Это последнее обстоятельство заставило недавно румынского исследователя Д. М. Пишпиди предположить, что декрет имеет в виду чисто юридический акт предоставления полисных прав местному населению — таврам. Д. М. Пишпиди высказывает сомнение в самом существовании древнего города Евпатория, «относительно которого не имеется никаких сведений и который следовало бы еще обозначить на карте»⁴⁰. Пессимизм этого автора представляется необоснованным. Древний Евпаторий несомненно существовал, но возможно, что упомянутое в декрете и у Страбона основание Диофантом города фактически свелось к присвоению имени царя-победителя Митридата Евпатора какому-либо давно существовавшему поселению⁴¹. Следовательно, хронология городища Кара-Тобе не противоречит отождествлению его с древним Евпаторием, так как населенный пункт, названный Диофантом в честь Митридата, не обязательно возник лишь в этот период.

В пользу такой локализации говорит и следующее обстоятельство. Было ли основание Диофантом Евпатория чисто юридическим актом или же оно носило характер укрепления какого-то из существующих поселений, ясно одно: это должен был быть или наиболее крупный или во всяком случае стратегически важный пункт этого района. Вряд ли имя Евпатора было присвоено Диофантом одному из многочисленных поселений побережья, ничем среди других не выделяющемуся. Наиболее крупными городами этого района являются Керкинитида и Прекрасная Гавань. Но отождествлять их с Евпаторием мы не можем, так как в декрете эти города названы своими старыми именами уже **п о с л е** сообщения об основании Диофантом города. Остальные городища побережья вряд ли могут претендовать на эту честь, так как не имеют ни гаваней, ни выгодного стратегического положения — это рядовые торгово-земледельческие поселения. Исключение составляет городище Кара-Тобе. Оно представляло собою ключевую точку, замыкающую с юга пересыпь озера Сасык, и таким образом перекрывало кратчайший путь из прибрежных районов Скифского царства к херсонесским владениям — Керкинитиде и прочим укреплениям⁴². Здесь, на границе с только что разбитыми скифами, вполне уместно политически и оправдано стратегически основание крепости, названной именем царя-победителя, который, говоря словами декрета, первым воздвиг над скифами трофей.

Итак, анализ различных источников приводит нас к выводу, что основанный Диофантом Евпаторий следует искать в Северо-Западном Крыму. Локализация его на каком-либо конкретном городище более гипотетична, но цифровые данные Птолемея за-

³⁸ П. Н. Шульц, Евпаторийский район, в кн.: «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М. — Л., 1941, стр. 272—275; о н ж е, О работах Евпаторийской экспедиции, СА, III, 1937, стр. 253 сл.

³⁹ Достаточно вспомнить, каким образом Юрий Долгорукий получил недавно титул основателя Москвы.

⁴⁰ D. M. Pişpidi, Sur un Passage Obscur du Décret en l'honneur de Diophante, fils d'Asclépiodore, Archeologia, IX, Warszawa — Wrocław, 1957, стр. 97.

⁴¹ На возможность такого толкования факта основания Диофантом города мне указал профессор В. Д. Блаватский, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁴² Хотя по данным геоморфологов полная изоляция озера Сасык от моря произошла всего несколько сот лет назад, дорога через пересыпь, вероятнее всего, уже существовала в интересующее нас время. Конфигурация пересыпи несколько отличалась от современной (см. В. П. Зенкович, Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. II, М., 1960, стр. 181).

ставляют предпочтение городище Кара-Тобе. Это подтверждается и его стратегическим положением. Окончательное подтверждение или опровержение этой версии должно дать археологическое исследование, в первую очередь эпиграфические находки.

Д. С. Раевский

THE SITE OF ANCIENT EUPATORIUM

by D. S. Rayevsky

The location of the fortress-town Eupatorium, founded in the Crimea by Diophantus, has for many years been the subject of learned debate. The reason for this is, first of all, the paucity of information in the sources (Strabo, Ptolemaeus, Ammianus Marcellinus and — though without naming the town — the decree honouring Diophantus). The site is usually supposed to be in the neighbourhood of Chersonesus. However, a careful study of the text of the Chersonesus decree obliges us to transfer the search to the north-western seaboard of the Crimea. This hypothesis is not disproved by Strabo's data, and analysis of the figures given by Ptolemaeus fully confirms it. In that case the expression «the other side» in the Chersonesus decree must be taken as referring to the territory subject to Chersonesus in north-western Crimea. Neither does mention of the Taurians in the decree conflict with location of Eupatorium in this area, since, in spite of established tradition, the literary and archaeological evidence shows that not only the mountainous region of the Crimea was Taurian territory, but almost the whole peninsula. The location of Eupatorium at any particular ancient town-site is possible only on the basis of the figures given by Ptolemaeus, and the interpretation of these is far from easy. By comparing the coordinates of the known and unknown points mentioned by Ptolemaeus and by translating his system of coordinates into distances expressed in stades we see that, according to Ptolemaeus, Eupatorium was 343 stades north-west of Chersonesus. A comparison of the Ptolemaic coordinates of known points in this region shows that Ptolemaeus's stade for the North-West Black Sea region is equivalent to 158 metres. When we transfer the information gained from Ptolemaeus to the map we find that Eupatorium must be located on the site of Kara-Tobe, at the southern tip of the seaward bank of Lake Sasyk. The strategic position of the site would make it an important base-point in the struggle of Chersonesus with the Scythians, which strengthens the probability of the theory that the fort was named after Mithridates. Chronological data obtained from trial digs by P. N. Schultz favour the conjecture that the founding of Eupatorium by Diophantus amounted to the renaming of a settlement which had existed on this spot for a very long time, and also, perhaps, to the erection of additional fortifications.

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ КОРАКСОВ И ИХ КРЕПОСТИ В АБХАЗИИ

Абхазия раннеантичной эпохи изучалась до сих пор в основном в прибрежной, низинной ее части. Здесь исследовано довольно значительное число памятников, характеризующих культуру местных племен и их взаимоотношения с греческими колонистами, в VI в. до н. э.¹ основавшими свои торговые фактории на побережье Абхазии.

¹ В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, сб. «Античные города Северного Причерноморья», I, М. — Л., 1955, стр. 29.